

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

Джером К. Джером
ТРОЕ В ЛОДКЕ,
НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ВАРВАРЫ ГРИГОРЬЕВОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2019

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Главное достоинство нашей книги – это не её литературный стиль и даже не изобилие содержащихся в ней разного рода полезных сведений, а её правдивость. Страницы этой книги представляют собою беспристрастный отчёт о действительно происшедших событиях. Работа автора свелась лишь к тому, чтобы несколько оживить повествование, но и за это он не требует себе особого вознаграждения. Джордж, Гаррис и Монморанси – отнюдь не поэтический идеал, но существа из плоти и крови; в особенности Джордж, который весит около 170 фунтов. Быть может, другие труды превосходят наш труд глубиной мысли и проникновением в природу человека; быть может, другие книги могут соперничать с нашей книгой оригинальностью и объёмом. Но что касается безнадёжной, закоренелой правдивости, – ни одно вышедшее в свет до сего дня печатное произведение не может сравниться с этой повестью. Мы не сомневаемся, что упомянутое качество более, чем какое-либо другое, привлечёт к нашему труду внимание серьёзного читателя и повысит в его глазах ценность нашего поучительного рассказа.

Лондон. Август 1889 года

ГЛАВА I

Трое больных. — Немоци Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Спасительный рецепт. — Средство от болезни печени у детей. — Нам ясно, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе. — Неделя в океанском просторе. — Джордж высказывается в пользу реки. — Монморанси выступает с протестом. — Предложение принято большинством трёх против одного.

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас — плох, я, конечно, имею в виду, в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что у него бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочёл рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как

я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идёт речь, причём в наиопаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашёл в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, – кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашёл там всё, что мне было нужно, а потом от нечего делать начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, – знаю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, – и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что эта болезнь гнездится во мне.

для врача – практика», – решил я. Вот он её и получит. В моём лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семисот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберётся и двух болезней на брата. Итак, я пошёл прямо к нему, и он спросил:

– Ну, чем ты заболел?

Я сказал:

– Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир прежде, чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я *не* заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Всё остальное у меня *есть*.

И я рассказал о том, как сделал своё открытие.

Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье, и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, – по-моему, это просто свинство, – и вдобавок боднул головой в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сложил её и отдал мне, и я ушёл, спрятав в карман полученный рецепт.

Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.

Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:

– Вы аптекарь?

Он сказал:

– Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.

Я прочитал рецепт. В нём значилось:

Бифштекс	1 фунт
Пиво	1 пинта
<i>(принимать каждые 6 часов)</i>	
Прогулка десятимильная	1
<i>(принимать по утрам)</i>	
Постель	1
<i>(принимать вечером, ровно в 11 часов)</i>	

*И брось забивать себе голову вещами,
в которых ничего не смыслишь.*

Я последовал этим предписаниям, что привело к счастливому (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.

Но вернёмся к вышеупомянутой рекламе пилюль. В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду».

Как меня мучил этот недуг – невозможно описать. Я страдал им с колыбели. С тех пор как я пошёл в школу, болезнь не отпускала меня почти ни на один день. Мои близкие не знали тогда, что это от печени. Теперь медицина сделала большие успехи, но тогда все это сваливали на лень.

– Как? Ты всё ещё валяешься в постели, ленивый чертёнок! Живо вставай да займись делом! – говорили мне, не догадываясь, конечно, что у меня больная печень.

И пилюль мне не давали – мне давали подзатыльники. И как это ни удивительно – подзатыльники

— Ладно, хватит вам суетиться! Я сам его нашёл. Нечего было и связываться с вами, я с тем же успехом мог бы поручить поиски нашему коту.

Но вот через каких-нибудь полчаса перевязан палец, добыто новое стекло, принесены инструменты, и стремянка, и стул, и свечи, — и дядюшка снова принимается за дело, между тем как всё семейство, включая горничную и подёнщицу, выстраивается полукругом, готовое броситься на помощь. Двоим поручается держать стул, третий помогает дяде влезть и поддерживает его, а четвёртый подаёт ему гвозди, а пятый протягивает ему молоток, и дядя берёт гвоздь и роняет его.

— Ну вот! — говорит он оскорблённым тоном, — теперь потерялся гвоздь.

И всем нам не остаётся ничего другого, как опуститься на колени и ползать в поисках гвоздя, в то время как дядя Поджер стоит на стуле и ворчит и язвительно осведомляется, не собираемся ли мы продержаться его так до поздней ночи.

Наконец гвоздь найден, но тут оказывается, что исчез молоток.

— Где молоток? Куда я подевал молоток? Господи боже мой! Семеро олухов глазеет по сторонам, и никто не видел, куда я дел молоток!

Мы находим молоток, но тут оказывается, что дядя потерял отметку, сделанную на стене в том месте, куда надо вбить гвоздь, и мы по очереди должны взбираться к нему на стул, чтобы помочь найти отметку. Каждый находит её в другом месте, и дядюшка Поджер обзывает нас всех по очереди болванами и сгоняет со стула. Он берёт линейку и начинает всё измерять заново, и оказывается, что ему нужно

...ДЯДЮШКА СНОВА ПРИНИМАЕТСЯ
ЗА ДЕЛО, И ВСЁ СЕМЕЙСТВО
БРОСАЕТСЯ ЕМУ НА ПОМОЩЬ

дела, не заметил, что это наводит его на мысль о покойнике. И остальные трое пассажиров попытались пройти в дверь одновременно и стукнулись лбами.

Я улыбнулся чёрному джентльмену и сказал, что, видно, купе досталось нам двоим, и он в ответ любезно улыбнулся и сказал, что некоторые люди делают из мухи слона. Но когда поезд тронулся, он тоже впал в какое-то странное уныние, а потому, когда мы доехали до Кру, я предложил ему выйти и промочить горло. Он согласился, и мы протолкались в буфет, где нам пришлось вопить и топтать ногами и призывно размахивать зонтиками примерно с четверть часа. Потом к нам подошла молодая особа и спросила, не нужно ли нам чего.

– Что вы будете пить? – спросил я, обращаясь к своему новому другу.

– Прошу вас, мисс, на полкроны чистого бренди, – сказал он.

Он выпил бренди и тотчас же удрал и перебрался в другое купе, что было уже просто бесчестно.

Начиная от Кру, купе было предоставлено полностью в моё распоряжение, хотя поезд был битком набит. На всех станциях публика, видя безлюдное купе, устремлялась к нему. «Мария, сюда! Скорей! Здесь совсем пусто!» – «Давай сюда, Том!» – кричали они. И они бежали по платформе, таща тяжёлые чемоданы, и толкались, чтобы скорее занять место. И кто-нибудь первым открывал дверь, и поднимался по ступенькам и отшатывался, и падал в объятия следующего за ним пассажира; и они входили один за другим, и принимались, и вылетали пулей, и втискивались в другие купе или доплачивали, чтобы ехать первым классом.

С Юстонского вокзала я отвёз сыр в дом моего друга. Когда его жена переступила порог гостиной, она остановилась, нюхая воздух. Потом она спросила:

– Что это? Не скрывайте от меня ничего.

Я сказал:

– Это сыр. Том купил его в Ливерпуле и просил отвезти вам.

И я добавил, что она, надеюсь, понимает, что я тут ни при чём. И она сказала, что она в этом не сомневается, но когда Том вернётся, у неё ещё будет с ним разговор.

Мой приятель задержался в Ливерпуле несколько дольше, чем ожидал, и через три дня, когда его всё ещё не было, меня посетила его жена.

Она сказала:

– Что вам говорил Том насчёт этого сыра?

другая, куда входили пожилые и солидные люди, склонялась к мысли, что это похороны и что я скорее всего брат усопшего.

Наконец мы увидели пустой кеб (когда они не нужны, пустые кебы появляются на нашей улице, как правило, не реже чем каждые двадцать секунд и загромождают мостовую, не давая ни пройти, ни проехать). Мы втиснули самих себя и свои пожитки в кеб, вышвырнули оттуда двух-трёх друзей Монморанси, которые, вероятно, поклялись никогда не разлучаться с ним, и тронулись в путь, провожаемые криками «ура» и ликованием толпы, а также морковкой, которой мальчик от Биггса запустил в нас «на счастье».

В одиннадцать часов мы прибыли на вокзал Ватерлоо и стали спрашивать, с какой платформы отправляется поезд одиннадцать пять. Конечно, никто этого не знал: на Ватерлоо никто никогда не знает, откуда отправляется поезд, равно как не знает, куда идёт поезд, если уж он отправился, равно как не знает вообще ничего, относящегося к этому делу. Носильщик, взявший наши вещи, считал, что поезд отправляется со второй платформы, а другой носильщик, с которым наш вступил в дискуссию по данному вопросу, утверждал, что до него дошёл слух, будто посадка производится с первой платформы. Начальник же станции, со своей стороны, держался того мнения, что поезд отправляется с пригородной платформы.

Чтобы выяснить всё окончательно, мы поднялись наверх к начальнику движения, и он нам объяснил, что сию минуту встретил одного человека, который будто бы видел наш поезд у третьей платформы. Мы

себя как нельзя лучше – все, кроме двух юных студентов, недавно вернувшихся из Германии, совершенно заурядных молодых людей. Им было явно не по себе, – казалось, что они томятся, а на самом деле мы были просто слишком умны для них. Наша блестящая, но чересчур изысканная беседа, наши утончённые вкусы были выше их понимания. В этом обществе они были не на месте, им вовсе не следовало быть среди нас. Впоследствии все это признали.

Мы играли фрагменты из произведений старинных немецких композиторов. Мы обсуждали философские и этические проблемы. Мы изящно ухаживали за дамами. И острили – необычайно тонко.

После ужина кто-то прочитал французское стихотворение, и оно привело нас в восторг. Потом одна дама спела чувствительную балладу на испанском языке, и кое-кто из нас даже прослезился, – до того это было трогательно.

И вдруг вышеупомянутые молодые люди осмелели и спросили, не приходилось ли нам слышать, как герр Слоссен-Бошен (который только что приехал и сидел внизу в столовой) поёт одну восхитительную немецкую комическую песенку.

Насколько мы могли припомнить, нам этого слышать не приходилось. Молодые люди утверждали, что это была самая смешная песенка на свете и что если мы хотим, то они попросят герра Слоссен-Бошена (с которым они хорошо знакомы) спеть нам её. Это такая смешная песня, говорили они, что, когда герр Слоссен-Бошен спел её однажды в присутствии германского императора, его (германского императора) пришлось отнести в постель.

МИСТЕР ГАРРИС БУДЕТ ПЕТЬ
КОМИЧЕСКИЕ КУПЛЕТЫ

– Ни капельки! – и добавил, что сам виноват и просит прощения. А Гаррис возразил, что, наоборот, виноват исключительно он.

Слушать их было одно удовольствие.

Мы закурили трубки и сидели, любуясь тихой ночью, и разговаривали.

Джордж высказал мысль: почему бы нам не остаться навсегда вдали от греховного мира с его пороками и соблазнами, ведя скромную, простую, воздержную жизнь и творя добро. Я сказал, что давно мечтал о чём-нибудь в таком роде. И мы стали раздумывать, не отрешиться ли нам четверым от мира и не обосноваться ли на каком-нибудь удобно расположенном и хорошо обставленном необитаемом острове, чтобы зажить там среди лесов.

Гаррис заметил, что он слышал, будто главным недостатком необитаемых островов является сырость,